

СТЕНОГРАММА

заседания Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС
по делу Г.М.Маленкова

от 1 июля 1958 года

Председательствующий т.ШВЕРНИК Н.М.

Приступаем к рассмотрению вопроса об антипартийной деятельности тов.Маленкова.

Нам необходимо разобраться, тов.Маленков, как возникла версия и кто ее выдвинул о существовании в Белоруссии широко разветвленного антисоветского подполья под руководством Голодеда, Шаранговича, Червякова, Денискевича, Низовцева и других работников, действовавших якобы по заданию польской разведки?

МАЛЕНКОВ. Я думаю, что по линии НКВД Сталину докладывали.

ШВЕРНИК. Вопрос так стоит: вы поехали на место и сразу же взялись за Центральный Комитет Белоруссии, начали избивать кадры партийных работников. Расскажите нам как это все происходило?

МАЛЕНКОВ. Я могу следующее сказать. Я так думаю, что по линии НКВД товарищу Сталину докладывали обо всем этом деле и он был ориентирован по линии НКВД. Меня лично не информировали по Белоруссии, там был Яковлев, он докладывал. Я не участвовал в этом деле.

ШВЕРНИК. Вы вместе были.

МАЛЕНКОВ. Он непосредственно был. Я только сейчас смогу вспомнить, что когда Яковлев об этом деле говорил, я уехал туда, что речь идет о польском шпионаже и что на этот счет убеждение ясное.

ШВЕРНИК. Вы приехали в Белоруссию вместе с Яковлевым?

МАЛЕНКОВ. Вопрос о шпионской организации, я думаю, Сталину был известен. Я думаю, что это было раньше.

БОЙЦОВ. Ежов ввел вас в курс дела и с вами говорил?

МАЛЕНКОВ. Да, я не помню сколько времени.

АЛФЕРОВ. В НКВД, видимо, не было конкретных материалов, вы вынуждены были допрашивать инструкторов ЦК Компартии Белоруссии и выяснять, кто конкретно какую вражескую работу проводил в том или ином районе.

МАЛЕНКОВ. Нет, по НКВД была оценка шпионской организации, бесспорно.

АЛФЕРОВ. Вы приглашали по очереди работников аппарата ЦК и, указывая на карту того или иного района, спрашивали, кто конкретно в этом районе занимается вредительством и в чем это выражается?

МАЛЕНКОВ. Я не хочу возражать. Я прямо и откровенно говорю, я не помню такой обстановки, какая была тогда, это я не исключаю.

ШВЕРНИК. Вы поехали в ЦК КП Белоруссии и там взяли под подозрение всех руководящих работников, обвинив их в контрреволюционных преступлениях.

МАЛЕНКОВ. Не было такого.

ШВЕРНИК. Как же не было? Там застрелился целый ряд работников, а других вы и чекисты начали избивать и требовать определенных показаний.

МАЛЕНКОВ. Чекисты, очевидно, действовали.

ШВЕРНИК. Так нельзя говорить, очевидно, действовали. Вы там дирижировали всем ходом дела.

МАЛЕНКОВ. Не может быть, я защищаю себя.

ШАТУНОВСКАЯ. Вы приехали 18 июля, а 21 июля Сталину даете такую шифровку: "...Ночной передопрос арестованных установил, что Гуревич (нарком внутренней торговли) состоял членом контрреволюционной организации и хлебные очереди организовывал по ее поручению. Вчера Гуревич по нашему предложению арестован...". И дальше: "Разрабатываем мероприятия по ликвидации вредительства, организуем передопрос ряда лиц, ранее арестованных, с целью выявления нет ли какого-либо "запасного центра". Вы еще не установили, есть ли там антисоветский центр, и уже намереваетесь открыть "запасной центр". Это ваша шифровка?

МАЛЕНКОВ. Наверняка была дана директива арестовать. Что разве без Сталина действовали?

ШВЕРНИК. Вы отвечаете за себя, причем здесь Сталин. Вы поехали туда, вы начали видеть в каждом руководящем человеке вредителя, изменника и т.д. Вы начали тогда же с ними расправляться.

БОЙЦОВ. Если бы Сталин был уверен, что эти люди являются шпионами польской разведки, то у него не было бы надобности посылать вас туда. Он послал бы людей, чтобы навести там порядок, но у Сталина не было данных, что они шпионы и они оказались шпионами в том случае, когда вы подтвердили подозрения Сталина.

МАЛЕНКОВ. Я знаю, что в результате этой проверки и раньше установлено, что извращения были, я не хочу снимать с себя ответственности.

ШВЕРНИК. Вы должны вспомнить обстановку избиения кадров и добросовестно рассказать обо всем.

МАЛЕНКОВ. Я не хочу отрицать извращения, раз товарищи сейчас это проверили. Действительно сейчас картина по обстановке может быть такая.

ШВЕРНИК. А вы не можете это вспомнить?

МАЛЕНКОВ. Я не могу помнить эти конкретные факты. По обстановке это могло быть.

КОМАРОВ. Тут надо ответить конкретно.

МАЛЕНКОВ. Прошло 20 лет.

КОМАРОВ. Я могу за 20 лет вспомнить, а мне 60 лет.

МАЛЕНКОВ. Я не на много моложе вас, мне тоже скоро 60 лет.

ШВЕРНИК. Получается так, что мы собрались, а говорить нам нечего, потому что вы ничего не помните, не знаете, а материалы, которые собраны, уличают вас в преступлениях против партии и государства.

МАЛЕНКОВ. Надо отвечать, что же теперь делать.

ШВЕРНИК. А вы не отвечаете.

МАЛЕНКОВ. Отвечаю.

ШВЕРНИК. Вы вместе с Ежовым потребовали очистить партийную организацию Белоруссии примерно на 50%. Против такой линии стал возражать тов. Голодед, а вы объявили его врагом народа и вычистили из организации из 50 тыс. - 25 тыс. коммунистов, многие из них потом были расстреляны. Вот как дело было. Разве вы не помните? Это крупный факт, это не чекистский факт, а ваш, вы же там всем руководили.

МАЛЕНКОВ. Я это не отрицаю, если при проверке выяснилось. Возможно такой факт был.

КОМАРОВ. Разве на 17 съезде партии, вошедшем в историю как съезд победителей, возник этот вопрос? Политическое положение в стране было исключительно хорошее.

МАЛЕНКОВ. Я согласен с этим положением, т. Комаров, я полностью согласен. Я тоже участвовал и говорил, что надо кончить с этими извращениями и готов нести персональную ответственность. Я объясняю в порядке защиты себя общую обстановку - все, что было. Я согласен с тем, что извращения были очень глубокие, об этом было сказано на XX съезде КПСС.

БОЙЦОВ. Разрешите с вами не согласиться, что Сталин создал такую обстановку.

МАЛЕНКОВ. Я этого не говорил.

БОЙЦОВ. Кем создавалась обстановка? Разве Сталин создавал обстановку? Когда вы ездили в Белоруссию, то вы Сталина ложно информировали, что имеется фашистский контрреволюционный центр и вся партийная организация засорена польскими шпионами. А что Сталин мог принять? Конечно, Сталин должен был в большей степени насторожиться после этого.

МАЛЕНКОВ. В то время было совсем другое положение по отношению ко мне.

БОЙЦОВ. Теперь пошел ссылаться на обстановку, что это как будто бы стихийная беда, какая-то буря, а обстановка такая создавалась почему? У Сталина было сомнение в том, что в Белоруссии орудуют шпионы. Он послал вас для того, чтобы разобраться на месте, а не для того, чтобы этих так называемых шпионов выловить и арестовать.

МАЛЕНКОВ. Я не хочу все валить на Сталина, я слишком его ценил и ценю, он слишком много мне дал.

КОМАРОВ. Но вы его во многом подвели.

БОЙЦОВ. Вот тогда была обстановка. Что это значит? Стало быть, косвенно или прямо обстановку создал Сталин?

ШВЕРНИК. Возьмем вопрос о Голодеде. Это - хороший коммунист. Мы его знали. Он выступал на пленумах ЦК, на съездах, замечательный государственный деятель. И вот, извольте радоваться, только потому, что на пленуме ЦК Компартии Белоруссии он высказал сомнение в правильности исключения 50% коммунистов, вы выражаете ему политическое недоверие как националисту, как польскому шпиону. Вы забыли такой факт?

МАЛЕНКОВ. Не хочу оспаривать.

ШВЕРНИК. Или возьмем Гуревича - наркомвноторга. Приехали туда, ни в чем не разобрались, сразу избили, арестовали, добились фиктивных показаний и потом расстреляли человека. Почему? Тоже не знаете?

МАЛЕНКОВ. Не знаю.

ШВЕРНИК. Как же вы можете не знать?

МАЛЕНКОВ. Я не говорю.

ШВЕРНИК. Это же человек, был министром и вы его тоже не знаете? Тогда спрашивается, зачем вы туда ездили?

МАЛЕНКОВ. Я вообще не знаю это.

ШВЕРНИК. Как вы не знаете? Вы тогда Сталину дали телеграмму.

МАЛЕНКОВ. Я не говорю, что вообще не знаю, я знаю.

ШВЕРНИК. Вы должны объяснить, почему создали такую обстановку избиения кадров в Белоруссии? Вы же поощряли там избиение кадров? Тоже не помните?

МАЛЕНКОВ. Я не говорю, что это не помню.

ШВЕРНИК. Тогда покайтесь, что был такой случай.

МАЛЕНКОВ. Я и говорю об этом.

ШВЕРНИК. А вы все не помните.

МАЛЕНКОВ. На заседании Комитета были оглашены записки. Я верю, я не имею права не верить, очевидно, так и было. Я за это несу ответственность, безусловно. Я прошу ЦК представить ту обстановку, а мое положение - защитить себя. Я до заседания, задолго до этого

думал об этом, не первый год меня волнует все это дело. Мы обсуждали это не раз, и в отношении себя и в целом этот вопрос представлял я себе и раньше. Я в порядке защиты выступаю.

БОЙЦОВ. 27 тысяч человек расстреляли.

МАЛЕНКОВ. Не может быть.

ШВЕРНИК. Давайте сюда очевидцев этой ужасной расправы, они сами расскажут как было дело.

МАЛЕНКОВ. Зачем сюда свидетелей?

ШВЕРНИК. Неправильно вы себя ведете. Мы вас вызвали в Комитет Партийного Контроля и хотим разобраться в этом вопросе.

МАЛЕНКОВ. Вы уже разобрались.

ШВЕРНИК. Вы же говорите, что ничего не помните.

МАЛЕНКОВ. Зачем это надо?

БОЙЦОВ. После поездки вас в Белоруссию, Яковлев и Ежов были арестованы, после этого объективно не возникала потребность разобраться конкретно в этих делах?

МАЛЕНКОВ. После этого разобрались.

АЛФЕРОВ. После этого дополнительно еще людей расстреляли.

МАЛЕНКОВ. Больше всего каюсь, ничего не хочу отрицать.

ШВЕРНИК. Пригласите товарищей из Белоруссии и Армении.

(Входят приглашенные товарищи). Мы вызвали вас вот для чего. Мы обсуждаем вопрос относительно деятельности т.Маленкова в бытность его в Белоруссии и Армении. К сожалению, он забывает о тех фактах, которые там имели место, и считает, что как будто там ничего не случилось. Может быть, кто-нибудь из вас расскажет о поведении т.Маленкова.

ЛИХАЧЕВ. В 1937 году я работал в Полоцке секретарем окружного комитета партии и был членом ЦК КП Белоруссии. В июле был созван пленум ЦК, в связи с арестом бывших секретарей ЦК КП Белоруссии Шаранговича и Денискевича. На этот пленум нас вызвали за несколько часов до его открытия, по телефону, это был экстренный пленум. На пленуме ЦК были не только члены ЦК, в общем человек 500-600. Пленум происходил в здании ЦК. На пленуме ЦК мы увидели Маленкова и Яковлева, как представителей ЦК ВКП(б). Мы не знали, зачем нас вызвали, лишь потом выяснилось, что созыв пленума был по указанию Маленкова и Яковлева. Об этом пленуме я и хочу рассказать.

"Руководил" пленумом, "председательствовал" на пленуме т. Волкович, бывший председатель совнаркома. Яковлев и Маленков сообщили о том, что Шарангович и Денискевич арестованы как враги народа и что коммунистическая партия Белоруссии представляет сплошь врагов и что нужно с корнем вырывать этих врагов. Была дана такая директива: с корнем вырывать. Это произвело на присутствующих ошеломляющее впечатление. Это вызывало недоверие одного к другому. Появились "голодедовцы", как говорил Маленков.

Что это был за пленум? Я с 1918 года в партии, был в армии, работал и в гражданских организациях, был членом горкома, губкома, обкома и никогда не встречал такого пленума. Никакой демократии, товарищи. По вызову выступали. Пусть вспомнит Маленков, как он заменил демократию насилием.

Первым был вызван Домбровский - бывший секретарь Дзержинского райкома партии. Он отказывался выступать, говоря, что не просил слова, а Яковлев и Маленков вызвали его и обвинили будто он создал шпионский район. Это район им. Дзержинского с польским населением. Тов. Домбровский отрицал это обвинение, довольно странное и нелепое, но он тут же был исключен из членов ЦК и из членов партии, без доказательств, без обсуждения и без голосования.

Вызывают т. Жолудева - председателя Слуцкого окружного исполнительного комитета, это боевой в прошлом моряк, с 1917 года в партии, прислан в Белоруссию для укрепления пограничного округа и ему предъявляют обвинение, что он занимался вредительством. Несмотря на возражения т. Жолудева, его исключают из состава ЦК и из членов партии. Так же поступили с т. Ляховым, членом ЦК. И так до первого перерыва, человек 7 исключили из партии, а в перерыве мы узнали, что они все арестованы. В перерыве мы узнали, что секретарь Слуцкого окружкома партии, член ЦК т. Каменштейн и многие другие не прибыли на пленум, потому что были арестованы по заданию Маленкова и Яковлева.

Мы, партийные работники, во время перерыва разговаривали о том, что происходит. Мы знали этих товарищей, которые выступали и которых вдруг исключили из партии и арестовали. Это были хорошие работники, они состояли много лет в партии, хорошо работали, никогда на подозрении не были и вдруг стали врагами в присутствии т. Маленкова. Так что это был не пленум партийного органа для укрепления рядов партии, это собрание членов ЦК было создано Маленковым,

очевидно, для того, чтобы продемонстрировать как надо расправиться с "врагами". На этом пленуме по сути дела была расправа с активом партии, пленум ничего не обсуждал и не решал. Пусть Маленков вспомнит, какое это было страшное дело, организованное им: арестовывали секретарей райкомов, председателей райисполкомов, на их место выдвинули заведующих отделами или инструкторов, а прошла неделя - снова волна арестов. Тогда выдвигают на эти должности председателей сельсоветов, и снова волна арестов. Стали выдвигать из председателей колхозов, а вскоре некого было выдвигать, потому что арестовывали даже и беспартийных. Вместо укрепления органов партии и советской власти, Маленков приехал в Белоруссию для дезорганизации и уничтожения кадров. Вот результаты его приезда. Нас удивило, как это все делается. По сути дела ЦК нет, решают Маленков и Яковлев. Дан лозунг: с корнем вырывать, по списку, заранее подготовленному, исключали из партии, арестовывали, и на этом все дело кончалось.

Я тоже выступал на пленуме. Только я начал объяснять работу у нас в Полоцком округе, мне был задан вопрос - работал ли я с Хатаевичем? Я сказал: да. Я действительно до июля 1935г. в Днепропетровске был начальником политотдела МТС, потом начальником политсектора МТС, секретарем Бердянского райкома партии, был членом бюро Днепропетровского обкома. В тот момент, когда мне задали этот вопрос, Хатаевич был назначен вторым секретарем ЦК Украины, но я не знал, что он в этот момент был арестован. Мне задали вопрос: Хатаевич вас завербовал? Вот какая обстановка была. По окончании пленума я побежал за Маленковым, который вышел из зала к себе в кабинет. Меня не пускали, но я прорвался. Я говорю Маленкову: "как же так? Это же следствие, допрос ведется, какой же я шпион? Я работал с Хатаевичем, я не знаю, что случилось с ним, но я не враг". Маленков ответил: "мы вас голодедовцем не считаем, но вы должны нести ответственность за те дела, которые были в Полоцке". Значит, стоило ему посчитать меня голодедовцем, и я был бы в тюрьме. Значит, все устанавливалось заранее: кого, кем считать и кого когда покарать. Маленков и Яковлев приезжали в Полоцк и ездили в Дриссенский район. Они интересовались главным образом отделением НКВД, особыми вопросами. Вот, собственно говоря, кратко о пленуме. Я мог бы сказать и о том руководстве, которое было после того, как побывали у нас Маленков и Яковлев и которое продолжало линию Маленкова. Новое руководство, которое прибыло, также расправлялось

с людьми направо и налево. Людей погубили много и я думаю, что за это дело несет ответственность в первую очередь и главным образом Маленков.

ШВЕРНИК. Он не помнит.

МАЛЕНКОВ. Я полностью согласен с тем, что товарищ здесь рассказывает.

ЛИХАЧЕВ. Как можно отказываться!

МАЛЕНКОВ. Я не отказываюсь.

ЛИХАЧЕВ. Почему же вы обвинили первого секретаря Домбровского, будто он создал шпионский район? Я был секретарем райкома, секретарем первичной парторганизации. Как обычно поступают с обвинением члена партии? Мы сначала спрашивали, выясняли всю обстановку, других людей опрашивали, справедливо ли обвинение. Я был секретарем окружкома в этот период, вторым секретарем был ваш близкий знакомый Анисов. Он все время подтаскивал заявления. Бывало договоримся о повестке дня, а он на заседании уже: "вот есть заявление, редактор у нас троцкист" и требовал исключения. Но бюро окружкома не шло на это. Мы разобрались в этом вопросе, а вы почему не разобрались в этом? Как это можно приехать из ЦК и обвинить, что все коммунисты - шпионы, что все враги. Вы сказали, что КПБ засорена, что в ней троцкисты, сионисты, правые, националисты и всякие "исты", а где же большевики, которые несли на своих плечах всю политическую работу, все хозяйство, где? Я тоже ожидал, что будет предложение исключить меня из членов ЦК, из членов партии, но такого предложения не последовало (возможно, потому, что Маленков меня направлял туда и ему неудобно было меня пока исключать из партии). А что касается остальных товарищей, то я их всех хорошо знаю, многих из них нет в живых, со многими я работал вместе, обсуждали все наши партийные вопросы на пленумах ЦК, на совещаниях, это были большевики, а вы, Маленков, их всех уничтожили. Вот в чем дело, к этому все свелось. Затем вы и приезжали.

Тогда спрашивается, зачем вы приехали? Иначе вы должны были отсеять действительных троцкистов от большевиков, но вы огульно всех превратили во врагов и говорили: бейте все друг друга. Вот к чему все свелось. И поэтому никакой пользы, кроме вреда, от вашего приезда в Белоруссию не было. Нужно отвечать за это, а как же иначе?

ШВЕРНИК. И мы так думаем. К сожалению, т.Маленков ничего не помнит, у него короткая память.

МАЛЕНКОВ. Он очень правдиво восстанавливает картину пленума. Я представляю обстановку.

ШВЕРНИК. Еще кто желает сообщить о действиях т.Маленкова в БССР?

ЛУКЪЯНОВИЧ. Я в 1937 году работал инструктором отдела печати ЦК Компартии Белоруссии. В конце июля месяца Маленков с группой товарищей из ЦК ВКП(б) приехал в Белоруссию. После ареста Шаранговича и Денискевича в зале заседаний бюро ЦК партии Белоруссии Маленков созвал всех работников ЦК, начиная от инструктора и кончая заведующим отделом. На стене была вывешена огромнейшая карта Белоруссии. Маленков сказал, что каждый из вас, кто бывал в последнее время в том или ином районе, прошу подойти к карте и начертить на этой карте контуры этого района и рассказать, что вредительского он заметил в этом районе. Подходили Аксенов, Косой, Земцов и рассказывали о ненормальностях и недостатках, возводя их в степень вредительства. После этого Маленковым было дано указание расчистить осинные гнезда вредительства. Районы делились на группы по 5-6 районов, куда выезжали Аксенов и Земцов по заданию Маленкова под предлогом проверки состояния партийной организации. Собрав несколько фактов о неполадках в колхозах, а также жалобы по налогам и этого для них было достаточно, чтобы обвинить руководство района во вредительстве.

По команде инструктора ЦК КПБ срочно собиралось бюро райкома. Заседание обыкновенно открывал и вел Аксенов или Земцов, предупреждая перед этим, что он прибыл по личному указанию Маленкова. Докладывал также инструктор ЦК КПБ, примерно, в таком тоне: фактами подтверждено, что секретарь райкома принадлежит к контрреволюционной организации, которую возглавляли Голодед и Шарангович. Есть мнение исключить секретаря райкома партии из членов ВКП(б) как врага народа. Кто против? Против нет! Предложение принимается.

После того как исключили секретаря райкома партии, переходили к председателю райисполкома. Прямо ставился вопрос - то, что творил секретарь райкома, не мог не знать председатель райисполкома, он же член бюро. Есть мнение исключить его из партии. Кто против? Нет. Принимается это предложение.

Потом доходило дело до орготдела, до культпропа. В результате такой операции, которая проводилась по указанию Маленкова, создавалось такое положение, что некому было сдать печать райкома партии. Инструкторы ЦК КПБ Аксенов и Земцов ставили сургучную печать на сейф, затем забирали печать в карман и переезжали в другой район. Разгромив по 5-6 районов, каждый из них возвращался в ЦК и говорил: вместо 5 районов разгромлено 6-7 и задание перевыполнено на столько-то процентов. Как видите, избиение кадров по указанию и непосредственному участию Маленкова проводилось по детально разработанному плану, который с исключительным пристрастием выполнял секретарь ЦК КПБ Волков - ставленник Маленкова. В результате такого погрома партийных, советских и хозяйственных кадров к 1938 году трудно было найти такого секретаря райкома партии или председателя райисполкома, или заведующего отделом, который бы проработал несколько лет. Короче говоря, весь партийно-советский актив был деморализован и перебит. Это должен хорошо помнить т. Маленков и от этого нельзя отказываться.

Характерным является то, что одновременно с избиением кадров Маленков, находясь в Белоруссии, проводил большую психологическую подготовку в отношении деморализации трудящихся. Вот факт: был созван так называемый съезд колхозников в августе. На этом съезде присутствовали Маленков и Яковлев. С докладом выступил Яковлев. Я помню сейчас некоторые места из этого доклада. Он, например, говорил так: белорусские буржуазные националисты и польские фашисты Шарангович, Голодед и Червяков хотели оторвать Белоруссию от Советского Союза и поработить белорусский народ. Но партия не позволит это сделать. Белорусские националисты и польские фашисты - Голодед, Шарангович, Червяков, Денискевич - хотели забрать землю, а крестьян превратить в рабов помещиков. Партия и Советская власть этого не позволят, и все избиение руководящих кадров делалось под прикрытием именем партии. На этом съезде колхозников было объявлено постановление ЦК ВКП(б) о ликвидации большого количества совхозов в Белоруссии, в частности, были ликвидированы совхозы "Заволочицы", "Хоромцы" и другие, а землю роздали колхозам. Совхозы были неплохими, они были хорошими и с точки зрения урожайности и доходности.

КОМАРОВ. Они создавались на помещичьих землях?

ЛУКЬЯНОВИЧ. Да, они были созданы на бывших землях помещиков. Это были обширные хозяйства, но колхозы, которым передали землю совхозов, тогда по своему экономическому состоянию были слабые, технически плохо были оснащены и с трудом осваивали свою землю. Когда же им передали земли совхозов, то это еще больше ослабило эти колхозы. Они не могли освоить все эти массивы, а размер поставок увеличился, доходы на трудодни уменьшились. Маленков должен помнить это постановление и должен понять, в конце концов, какой большой вред он причинил сельскому хозяйству Белоруссии.

Теперь, какое психологическое переживание проявлялось со стороны руководящих партийных работников районного масштаба? Об этом можно привести такие факты: секретаря Червенского райкома партии т. Костюковича раза три вызывали на бюро ЦК КПБ. Едучи в Минск, он всегда ложил две пары белья в портфель. И не только Костюкович, но и многие другие секретари райкомов и председатели райисполкомов, которых вызывали на бюро ЦК КПБ, приезжали, имея в запасе одну-две пары белья, потому что, как правило, редко кто из них возвращался домой. После заслушивания на бюро ЦК того или иного работника, как только он выходил из зала заседания, то к нему подходил работник НКВД БССР, уводил его черным ходом во двор, увозил в НКВД и садил в тюрьму. Хиженков Петр (он сейчас в доме престарелых), бывший секретарь Пуховичского райкома партии, получив телеграмму о вызове в ЦК, связал пачку книг, взял белье и некоторые другие вещи. Зачем? Говорит, что вызывают в ЦК, по всей вероятности посадят, если посадят, то буду читать, заниматься самообразованием.

Вся эта страшная история по избиению кадров в Белоруссии, которая проводилась под руководством Маленкова, была накануне второй мировой войны. Ясно, что действия Маленкова полностью совпали с действиями, направленными на ослабление Советского Союза, в интересах вторжения Гитлера. Почему? Партийные и советские кадры были перебиты, большинство председателей колхозов и председателей сельсоветов было посажено. Короче говоря, было ликвидировано руководство партии, ликвидировано руководство советской власти. Распоряжения Маленкова об избиении кадров выполнял Волков, но после Волкова дело не приостановилось. Избиения проводились и в бытность Пономаренко. За это Маленков тоже должен нести ответственность. Короче говоря, сегодня Маленкова обвиняют не по отдельным фактам, а его обвиняет весь белорус-

ский народ за то исключительно тяжелое положение, которое он создал в 1937-1938-1939 годах с точки зрения избития партийно-советских кадров в Белоруссии. И за все свои преступления, совершенные перед партией и народом, Маленков должен понести строжайшее наказание.

ШВЕРНИК. Просит слово т.Левицкий П.А. (зам.председателя Совмина Литовской ССР).

ЛЕВИЦКИЙ. Я в Белоруссию прибыл в 1936 году после окончания академии. Обстановка в 1937г. после приезда т.Маленкова в Белоруссию была исключительно накаленной. Это было видно не только на фактах того района, в котором мне приходилось работать, но и в жизни всей парторганизации Белоруссии.

Я хорошо помню арест Домбровского. Он в то время работал первым секретарем Пуховичского райкома партии, был переведен из Дзержинского района; когда его избирали секретарем Пуховичского райкома, на собрании присутствовал первый секретарь ЦК КП Белоруссии Шарангович. Как только мы вернулись с пленума ЦК и доложили, что арестован Домбровский, то в партийной организации через некоторый период времени началась подготовка к аресту и других членов партии.

Позвольте привести только один факт. В то время я был избран в состав райкома партии и в состав бюро райкома. Вскоре после ареста Домбровского я зашел ко второму секретарю райкома партии т.Фомину, который исполнял обязанности первого секретаря. Когда я вошел в кабинет, то заметил, что на столе у Фомина лежал список и он его прикрыл, с ним рядом сидел начальник особого отдела 11 кав. дивизии Тишаков, он же исполнял обязанности начальника районного отделения НКВД, потому что Беспалов - быв.нач.РО НКВД был посажен в тюрьму за недостаточную борьбу с врагами народа. Я спросил: что за список вы прячете? Они разоткровенничались и сказали, что это список неблагонадежных коммунистов, которые должны быть исключены из партии и арестованы. Пуховичская районная партийная организация насчитывала тогда 154 человека членов и кандидатов партии, в список было внесено 72-75 человек. На очередном районном партийном собрании я рассказал парторганизации совершенно открыто, что Тишаков и Фомин подготовили черный список на арест коммунистов и заявил, что считаю это дело антипартийным и выражаю недоверие Тишакову и Фомину. Фомин после этого собрания был переизбран. Вместо

него был избран первым секретарем райкома партии т.Кульбацкий. Через несколько дней после этого собрания меня вызвал Тишаков, начальник особого отдела, и предупредил, что подобная постановка вопроса может привести меня в тюрьму и заявил, что это делается по указанию т.Маленкова. Я лично был на совещании у т.Маленкова, сказал тов.Тишаков, нас т.Маленков инструктировал по этому вопросу.

Во всех районах, в том числе и моем родном, Осиповичском, а также Пуховичском, Червенском, Краснослободском и др. такими же методами шла расправа с партийными и советскими кадрами и во всех случаях, кто бы из работников ЦК Белоруссии не приезжал в район по разоблачению врагов, всегда ссылались на личное указание т.Маленкова.

Расправа с кадрами получила наибольший размах вскоре после отъезда Маленкова и приезда Волкова, которого т.Маленков рекомендовал первым секретарем ЦК КП Белоруссии и которого он лично инструктировал по этим вопросам, об этом Волков сам неоднократно говорил на активах, пленумах, собраниях, совещаниях. В результате осуществления установок, данных т.Маленковым на пленуме ЦК Компартии Белоруссии, и лично Волкову, обстановка в Белоруссии сложилась так, что некого было поставить на руководство колхозом, сельсоветом, не говоря о районе, да и люди не шли, потому что после пребывания у руководства через два, три месяца подлежал аресту.

В связи с этим начали поступать жалобы в ЦК ВКП(б) с просьбой избавить от репрессий, которые проводились. Тяжелее всего было, что вместе с избиванием руководящих работников - членов и кандидатов партии, избивались большие массы самого народа.

Дело в том, что ряд районов, как например: Слуцкий, Логойский, Дзержинский, Заславльский, Краснослободский и другие граничили с землями Западной Белоруссии, которые были отторгнуты Польшей и, естественно, что родственники или знакомые были на той стороне, и все, у кого были родственники в Западной Белоруссии, подлежали репрессиям и вывозились целыми селами, а на их место присылались из Могилевской и других областей. Я это нисколько не преувеличиваю, оголялись целые пограничные деревни, выселялись и секретари партийных организаций, и бригадиры, и председатели колхозов, хотя в этом абсолютно не было никакой надобности. Круг про-

водимых репрессий не замыкался, а расширялся и влек за собой тяжелые последствия. Волков был снят, но вместо Волкова был рекомендован Пономаренко - бывший заместитель т.Маленкова. На него т.Маленков возлагал надежды, что он при случае сумеет замести следы, и в этом он не ошибался.

Когда приехали Пономаренко и Цанава, то репрессии нисколько не уменьшились, они продолжались, но только без крикливой формы. Первым актом действий Пономаренко был арест т.Ковалева, пред.Совнаркома БССР, секретаря ЦК Ананьева, и секретарей райкомов партии, наркомов, их заместителей. Я потом работал секретарем Минского и Полесского обкомов партии, через мои руки проходило огромное количество людей, бывших под арестом, они были арестованы в более позднее время, т.е. после приезда Цанавы и Пономаренко.

Причем характерно, что в своей деятельности по избиению кадров тов.Пономаренко (а я все-таки был близок к нему, так как работал вместе) пользовался именем тов.Маленкова, он говорил: есть прямое указание Маленкова, что враги еще остались, их много. Мы должны до конца очистить свои ряды, потому что были допущены ошибки, взяты не те, кто должен был взят, наша задача выявить врагов дополнительно, истинные враги еще ходят на свободе. Такая была установка. Конечно, т.Маленков сам должен понимать, что он великий грех совершил в 1937г., он явился организатором и вдохновителем избиения и физического уничтожения кадров в Белоруссии и еще более виноват в том, что впоследствии не принял мер, чтобы этот грех исправить.

О действиях Пономаренко в Белоруссии, о действиях Цанава, который уже после войны готовил арест первого секретаря Гродненского обкома партии Притыцкого, которого все знали как народного героя, о нем рабочий класс всего мира писал. Маленков не мог не знать - к нему многие обращались за помощью, но он молчал. В последние дни войны, когда наша страна стояла у ворот победы, тов.Пономаренко особенно скомпрометировал себя в моральном отношении, он по существу занимался мародерством. Это неоспоримые факты, это все исследовано, проверено и Комиссией ЦК ВКП(б) доказано и тем не менее Пономаренко вышел абсолютно нетронутым, более того, он был выдвинут секретарем ЦК ВКП(б). Это вызвало всеобщее удивление у всей партийной организации Белоруссии. Как же так могло случиться, что человек, наделавший столько зла нашей партии и государ-

ству, вдруг оказался на таком большом посту. Это, безусловно, было не без ведома т.Маленкова. Продвижение тов.Пономаренко на такой большой пост - была своеобразная защита и себя и Пономаренко, т.к. вы, т.Маленков, действовали с ним сообща.

Я не буду говорить о фактах фальсификации героев. Об этом тоже не мог не знать т.Маленков, и он вовремя не приостановил все эти неблагоприятные дела.

По вопросам избияния кадров можно взять данные органов государственной безопасности, они подтвердят, что при Пономаренко было посажено не меньше, а значительно больше людей, чем в период пребывания Волкова. Об этом хорошо знал т.Маленков.

Еще один факт. Тов.Анисов, работавший вторым секретарем Полоцкого окружкома в 1937 году, теперь он работает председателем колхоза "Советская Белоруссия" Слонимского района, рассказывал мне, что Маленкова он знал лично и он хорошего мнения был о Маленкове, что во время июльского Пленума ЦК КП Белоруссии он подошел к Маленкову и сказал, что прошу слова, что же это делается? Я выступлю против того, что происходит на пленуме. Это же погром, а Маленков сказал: молчи, так надо, и я замолчал. Кстати сказать, вскоре Анисова тоже арестовали. Такая была обстановка на пленуме.

Почему бы Маленкову не предоставить членам пленума самые элементарные права, которые записаны в Уставе партии - дать возможность высказаться. Тов.Маленков по своей воле способствовал тому, чтобы никто на пленуме не подал голоса правды.

Я не говорю о той волне арестов, которая охватила интеллигенцию - писателей, поэтов и т.д. и т.п. Все это проходило по установке Маленкова.

Зднсь я должен сообщить, что когда мы привлекали отдельных работников органов государственной безопасности и НКВД к партийной ответственности за физическое избияние и убийство арестованных коммунистов, а это касалось и наркомов, и их заместителей, и других, то все работники органов НКВД ссылались на то, что инструкции о применении физических мер воздействия были получены от т.Маленкова. Тогда мы это отвергали категорически, потому что не верилось, чтобы подобного рода инструкции мог давать Маленков, но по ходу всех событий, когда они подходят к своему логическому завершению, становится ясным, что такие инструкции, несомненно, Маленковым давались. Если бы это подтверждалось 1-2-3-4 товари-

щами, это могло быть опровергнуто, но когда прошли десятки людей и подтвердили, что это было, то это действительно была правда.

КУЗНЕЦОВ. Насчет секретаря ЦК Кузнецова вы не сказали.

ЛЕВИЦКИЙ. Мне неудобно о себе говорить. Случилось так, что во время войны я командовал некоторый период III армией в Полесье. Эта армия хорошо сражалась. В августе месяце я передал командование генерал-лейтенанту Василию Ивановичу Кузнецову, Жадов был у нас начальником штаба. Мне два раза звонил товарищ Сталин лично. Второй раз, когда звонил, сказал: тов. Левицкий, в перерыве от боев напишите объективную докладную записку, так, как есть в жизни, не приукрашивая. И я написал докладную записку о первых днях войны. В этой записке я вскользь рассказал о поведении самого Пономаренко, а вел он себя отвратительно. И к этой докладной записке приложил приказ, который мною был изъят у начальника Полесского укрепленного района Максимейко. Телеграммой тов. Сталина мне было поручено проверить все дзоты и доты. Когда я начал проверять, то оказалось, что они были разоружены и засыпаны землей. Я тогда пригласил начальника укрепленного района майора Максимейко и спросил, на каком основании засыпаны землей доты и дзоты. Он подал приказ за подписью Берия, в котором говорилось, что доты и дзоты нужно разоружить и засыпать землей. К докладной записке я приложил этот приказ и послал товарищу Сталину. О существовании этой докладной записки стало известно Пономаренко, Цанаву, Берия, Абакумову и тогда на меня было спровоцировано дело.

Когда Пономаренко был секретарем ЦК КПСС, во время работы предпоследней сессии Верховного Совета Союза послевоенного созыва, я пришел к нему.

ШВЕРНИК. В ЦК?

ЛЕВИЦКИЙ. Да. Я позвонил из постпредства Белоруссии в ЦК к Пономаренко и прошел в ЦК без пропуска. Мы с ним работали долгие годы в Белоруссии, он меня знает хорошо. Я пришел к нему, чтобы он помог объективно разобраться в моем деле, потому что когда Абакумов со Шкирятовым рассматривали мое дело, то мне объявили выговор.

БОЙЦОВ. За что объявили выговор?

ЛЕВИЦКИЙ. Был объявлен выговор за недостойные большевика разговоры. Все это было тогда надуманно и это теперь опровергнуто документами. Я пришел к нему, чтобы он помог разобраться. Я даже

просил, чтобы он мне помог, я оклеветан. Пономаренко, выслушав меня, вышел из-за стола и говорит: а вы думаете, что вы виноваты? Это только стряпня, вы абсолютно ни в чем не виноваты. Я говорю, а в чем же дело? А дело в том, продолжал он, что вы пикировались со мной и вам этот выговор объявлен за то, что вы, во-первых, со мной пикировались. Во-вторых, за докладную записку Сталину.

ШВЕРНИК. За какую записку?

ЛЕВИЦКИЙ. За ту, которую я написал Сталину. И Пономаренко продолжал - за то, что вы Цанаву добить собирались, это третье. За то, что вы с ленинградцами якшались, это четвертое. Как я с ними якшался? Да никак. И дальше говорит: вот этот гад Кузнецов тоже меня вместе с Маленковым хотел за горло схватить. Да не удалось, будет он теперь смердящим трупом в земле лежать. Я знал тогда, что были арестованы Кузнецов, Вознесенский, Попков и др., но почему арестованы, почему смердящим трупом будет лежать Кузнецов - это для меня было непонятно. Я только после понял, что Кузнецов курировал комиссию по проверке ЦК Белоруссии, а возглавлял эту комиссию тов.Задонченко.

Что мне оставалось делать после этого? Я сказал: позвольте мне вас оставить. Мне стало необычайно тяжело после такого разговора с секретарем ЦК. Я ушел и больше с ним никогда не встречался. Этот факт и многие другие подтверждают то, что Маленков знал, что делал Пономаренко, а Пономаренко знал, что делал Маленков. Я еще раз повторяю, что эти грязные дела они делали сообща и что ответственность за избиение кадров в Белоруссии и не только кадров, но и больших пластов народа и за избиение абсолютно неправильное, невинное, он должен нести безусловно ответственность.

ШВЕРНИК. Кто он?

ЛЕВИЦКИЙ. Тов.Маленков, потому что затеял это дело т.Маленков. Если т.Маленкова послал Центральный Комитет партии в Белоруссию, то он должен был привести объективную и правдивую информацию обстановки, разобраться детально и тщательно в делах, а вместо разбора т.Маленков начал погром - избиение кадров и обман ЦК ВКП(б).

ШВЕРНИК. Он как раз это отрицает.

ЛИХАЧЕВ. Вызовите всех коммунистов и они подтвердят.

ЛЕВИЦКИЙ. Этого отрицать нельзя, потому что есть люди, которые сейчас живы, у многих остались родственники, дети, друзья по

борьбе, знакомые. Если бы я начал называть фамилии даже тех, кого я знаю, это было бы потрясающе.

К примеру, я хорошо знаю Уткина – это шахтер, старый коммунист. Я в комсомол вступал, а он был председателем Свислочского райисполкома. Он был боевой коммунист, он учил нас. В 1936 году он был председателем Пуховичского райисполкома, а я приехал директором техникума. Мы встретились после многих лет разлуки. Через некоторое время этого несгибаемого большевика, борца за колхозный строй ведут распоясанным в суд. Ему было предъявлено обвинение, что он враг народа. Это была тяжелая картина, он, конечно, никогда не был врагом народа. Он жив, здоров, теперь пенсионер, прекрасно провоявал войну. Это было тяжело. В Белоруссии народ это видит и знает, а сколько таких замечательных людей покалечено морально, физически, ведь из старых руководящих республиканских работников почти никого не осталось в живых. Народ все это знает и отрицать этого нельзя. т.Маленков понимал, какую кашу он заварил и какие последствия это дело примет. Тогда Пономаренко развил бешеную агитацию, что виноват во всем Волков. Но кто инструктировал, кто поучал Волкова? – Маленков. Ну, хорошо, Волков виноват, а почему Пономаренко не исправил, мер не принял? Ведь избиение было до последнего времени, почти до ареста Цанова и Берия, когда министра просвещения похоронили – в 1955 году, Саевича взяли ни за что, арестовали, избили, судили, потом вернули больного, и человек умер. Это был старый большевик, бывший заместитель ректора комвуза. Его знали в Белоруссии все партийные, советские работники, на протяжении многих лет он учил их.

ШВЕРНИК. Тов.Маленков отрицает, не помнит.

ЛЕВИЦКИЙ. Эта линия Маленкова, она тянулась до последних дней, он должен помнить и должен нести ответственность.

ШВЕРНИК. Другой тов.Левицкий просит слово.

ЛЕВИЦКИЙ А.М. Я до сих пор, как коммунист, сам себе не могу ответить на вопрос, что же получилось в 1937 году. Вы сами помните, что это был какой-то кошмар. Этот кошмар официально объясняется, были Ежов, Ягода, Берия – все это объяснимо как будто, но как хотите, но я не могу объяснить только этими одними фамилиями. Были у нас в ЦК партии люди, которые наблюдали за делами органов НКВД, держали в руках все это. Как они могли допустить это?

Я думаю, что Маленков, который вел это дело в ЦК, не только не пресекал этого, не только не запрещал, а прикрывал эти дела, и сам давал прямые указания.

Я хочу рассказать такой случай. Когда мы приехали с Волковым в Белоруссию, вы его, наверное, многие знаете, Волков член партии с 1914 года, сам путиловский рабочий, совершенно безграмотный человек, он еле-еле расписывался, выпивал лишнего, но он был честным коммунистом. Так когда мы приехали с Волковым и посмотрели, что там произошло за время посещения Белоруссии Маленковым, то это был действительно полный разгром. Что здесь рассказывали товарищи, это совершенно правильно. В Центральном Комитете партии остались единицы людей. В Совете Министров было много работников арестовано. В районах не было половины секретарей райкомов. По инерции еще продолжались аресты и при нас. Я не могу этого отрицать.

КОМАРОВ. Зачем вы это допускали?

ШАТУНОВСКАЯ. У вас были заседания бюро, когда вы на одном заседании бюро исключали из партии по 94 человека.

ЛЕВИЦКИЙ. Правильно. Это было рассмотрение дел по представлению Комиссии Партийного Контроля на коммунистов уже арестованных органами НКВД. Такое положение было в Белоруссии, которое требовало объяснение его парторганизации. Я тогда на бюро ЦК поставил вопрос о том, что прошли такие большие аресты, но партийную организацию никто не информировал, она не знает, что случилось, нельзя ли об этом довести до сведения парторганизацию.

Берман, который был наркомом внутренних дел в Белоруссии, сказал, что он может представить доклад по этому вопросу, если на этот счет будет получено разрешение от тов. Маленкова. Я говорю Волкову: позвони по ВЧ, переговоры с т. Маленковым, как это сделать. Волков позвонил при нас Маленкову и рассказал о разговоре на бюро и спросил, как нам быть? Я не знаю, что сказал Волкову Маленков, но Волков сразу передал трубку Берману. Разговор Бермана с Маленковым для нас был мало понятен, так как мы слышали только "да", "нет", "хорошо", но через 2 недели мы получили доклад Бермана о положении в Белоруссии. Я понял, что Берман не только вел дела по Белоруссии по поручению, но он получал дальнейшие указания прямо от Маленкова, помимо ЦК Белоруссии.

Еще один случай. Берман, будучи в хорошем настроении, рассказывал, как был арестован Шарангович. Он говорит, что Шаранговича Маленков увез с собой в Москву из Минска. На следующий день вызвали в Москву Бермана. По приезде его вызвали на заседание Политбюро. Когда Берман пришел в приемную, Шарангович был уже там. На заседание Политбюро Шаранговича не пригласили, а пригласили только одного Бермана. Когда я вошел, рассказывал Берман, в это время Маленков заканчивал свое выступление. Сталин стоял у правого угла стола и, обращаясь к Берману, спросил: "это правильно, что говорит Маленков о Шаранговиче?" Берман ответил: "я подтверждаю и головой за это отвечаю". Сталин помолчал, а потом сказал: "Ступай, возьми его". Берман вышел и арестовал Шаранговича.

Какой я сделал вывод из этого рассказа? Если Берман мог сказать, что я головой отвечаю, не слыша речи Маленкова, то, следовательно, он был заранее уверен в том, что говорил Маленков. Таким образом, и это свидетельствует о том, что Маленков организовал заговор против Компартии Белоруссии и тщательно следил за всем развитием событий впоследствии.

Этот заговор привел к тому, что в организации все перепуталось и судьба человека часто зависела от случайностей. Вот здесь сидит Лихачев, я могу сказать, почему он не арестован. После освобождения от работы Лихачев был без работы и несколько дней находился в Минске. Приходит ко мне прокурор республики Новик и требует санкцию на арест Лихачева. Я говорю: вы знаете, что эти дела решает Волков. Он говорит, что Волкова нет, а вы второй секретарь. Я ответил, что Волков выехал на завод и через 2-3 часа вернется и вы к нему обратитесь. Он продолжал настаивать. Я сказал, покажите дело. В деле было сказано о том, что Лихачев организовал развал сельского хозяйства в Полоцком округе. Я сказал, что тем более не могу дать санкцию на арест по этим мотивам, за это его сняли с работы и он понес уже наказание. Новик со мной не стал больше разговаривать и ушел. Дождался Волкова и пришел к нему за санкцией на арест Лихачева. Новик сказал Волкову, что он обращался ко мне, но я не решил этого вопроса. Волкова задело, почему прокурор республики обратился не к нему, а ко мне и вызвал меня. Я рассказал, как было дело и сказал, что материалы не дают оснований для ареста. Волков не дал согласие на арест Лихачева.

Примерно также было дело с Эйдиновым по Кармянскому делу. Не было Волкова, он уезжал в Москву. Ко мне опять пришел прокурор,

требуя санкции на арест Эйдинова. Я не дал согласия. Новик опять пожаловался на меня Волкову. Эйдинова не дал арестовать, дело решалось открытым судом и суд оправдал его.

Благодаря таким и подобным случаям возникло недовольство мною, Маленков чувствовал, что я не осуществляю его указаний, которые я должен, по его мнению, осуществлять.

ГОЛОС. С чьей стороны?

ЛЕВИЦКИЙ. Со стороны Маленкова. Он меня послал в Белоруссию. Без него о втором секретаре ЦК Белоруссии не могли решить вопроса. С его согласия на меня завели дело. Я не знаю как его назвать, я его лично не видел, но мне товарищи рассказывали, что я был представлен в нем как руководитель контрреволюционного центра в Белоруссии. Меня сняли с работы. Я обращался не один раз к Маленкову, просил объяснить, за что меня сняли, что я сделал, если виноват, накажите меня, в конце концов. Никакого ответа я так и не получил. Все последующее время вплоть до момента ухода на фронт и после прихода с фронта находился под надзором.

Или еще один факт, как был арестован Волкович (пред. Совнаркома БССР). Маленков позвонил Волкову и говорит: пришлите Волковича в Москву. Волковича послали в Москву по выдуманному делу и арестовали в Москве при выходе из вагона. Спрашивается, что разве ЦК Белоруссии не существовало и его не нужно было спросить? Значит, существовал только приказ Маленкова арестовать Волковича.

Я считаю, что т. Маленков как организатор заговора против Компартии Белоруссии должен отвечать за это дело. Он ведал органами Министерства внутренних дел, он давал прямые указания Берману по ходу следствия по арестам руководящих работников и по освещению белорусских дел для парторганизации.

ШВЕРНИК. Ну как, т. Маленков, довольно этих фактов?

МАЛЕНКОВ. Я не отрицаю. Мне и из этого ясно.

ЛЕВИЦКИЙ П.А. То, что началось в 1937г., продолжалось до 1950г. В 1947г. первым секретарем ЦК КП Белоруссии был избран Гусаров. Гусарова нужно было освободить, он не годился для первого секретаря ЦК КП Белоруссии. Но как его освободили? Приехал тов. Пономаренко, он был тогда секретарем ЦК ВКП(б), созвал предварительное совещание, дал указание как кому выступить. Я могу назвать фамилии людей, которые были на совещании, а потом созвал пленум и

с одного маха снял Гусарова, Томашевича, Бренга, Закурдаева, Иовчука, остался один Зимянин. Я не могу допустить, чтобы т.Маленков, когда уезжал т.Пономаренко в Белоруссию на пленум, не обсуждал с ним эти организационные вопросы. Тов.Маленков тоже в то время был секретарем ЦК ВКП(б).

Как можно допустить подобного рода расправу? Это говорит о том, что такими по существу антипартийными методами с благословения т.Маленкова действовали в Белорусской партийной организации до последних дней.

ШВЕРНИК. Если вы сомневаетесь в чем-либо, то тогда мы продолжим?

МАЛЕНКОВ. Я не вижу никаких оснований не верить товарищам.

ШВЕРНИК. Просит слово тов.Габриэлян.

ГАБРИЭЛЯН. Я работаю в Армении давно, со дня советизации Армении. В 1937г. я работал в Ереване, когда туда приехал т.Маленков, а это было, кажется, в сентябре месяце. Собственно говоря, мы думали, что приехал представитель ЦК с тем, чтобы разобраться в делах объективно. Тот факт, что т.Маленков лично допрашивал арестованных, мы считали положительным явлением, полагая, что это даст возможность выявить истину. Многие работники в Армении полагали, что раз приехал представитель ЦК, можно будет разобрать один очень серьезный вопрос - вопрос о смерти Ханджяна, потому что аресты, которые начались с 1936г., связывали с именем Ханджяна, говорили, что он был якобы руководителем контрреволюционного центра и посадил во главе всех руководящих органов контрреволюционеров. Однако т.Маленков не только не разобрался в этом деле. Наоборот, своими действиями подтвердил версию Берия о том, что Ханджян якобы окончил свою жизнь самоубийством. А тогда в Армении все говорили, что Ханджян не умер своей смертью, не кончил самоубийством, а его убили. Тогда так говорили в народе и говорили открыто. Более того, говорили, что в смерти Ханджяна виновен Берия. Полагали, что т.Маленков, приезжая в Армению, должен был разобраться в этом деле и помочь партийному активу ориентироваться правильно. Однако Маленков этого не сделал. Он продолжал то дело, которое начал еще Амагуни по указанию Берия, т.е. истребление партийного актива. После смерти Ханджяна получили 2 списка из Тбилиси. Списки составлялись там. Я лично видел два списка. В первом списке были фамилии 150 человек, во втором тоже фамилии 150 человек, всего - 300 человек.

Аматуни не удалось арестовать всех. Он арестовал примерно человек 50, не больше, все остальные были арестованы после приезда Маленкова и по его указанию. Учреждения остались без руководителей. Для характеристики положения хочу привести только один пример. В 1937 году я руководил 6-ю учреждениями одновременно, потому что некого было посадить во главе этих учреждений. Вот чем занимался т. Маленков в Армении. Повторяю, он продолжал линию Берия, всячески стараясь доказать, что Ханджян кончил самоубийством. Это было необходимо для оправдания массовых арестов.

Что Ханджян был убит, подтверждается следующим фактом. Когда его тело перебросили в Армению, я, Кудрявцев, Аматуни и два личных врача Ханджяна - Сагян и Мирзавакян первые вошли в комнату, где было поставлено тело Ханджяна. Врачи сказали, что это не самоубийство, а убийство. Об этом они сказали при нас и стали объяснять и обосновывать это свое заключение. Но скоро эти врачи были арестованы и объявили, что смерть Ханджяна - провокационное самоубийство в Тбилиси и на основе этого организовали целое дело, заявили о существовании так называемого контрреволюционного центра в Армении во главе с Ханджяном и вокруг этого центра создали дело и арестовали весь партийный актив. Суд этого партийного актива был в июле месяце 1938 года. Через этот судебный процесс прошло 350-360 человек, из них осталось в живых 40 человек, в том числе т. Ананян и некоторые другие товарищи. Все остальные были расстреляны.

Со мной сидел Гайк Силанян, член партии с 1917 года, старый большевик, мы вместе работали в 1922 году в Эчмиадзинском уезде, я был секретарем укома комсомола, он был секретарем укома партии. Мы очень хорошо друг друга знали, поэтому не боялись рассказывать друг другу о своих делах. Я говорю так, потому что мы отлично знали, что следят за каждым нашим разговором и что о каждом разговоре передают следователю, стараясь создавать новое дело. Даже в тюрьме не все товарищи могли сказать то, что они обычно могли бы говорить, т.е. рассказать о своем следователе, о методах допроса, о содержании дела и т.д. На мой вопрос Силаняну, за что тебя арестовали и в чем тебя обвиняют, он ответил: его считают руководителем контрреволюционного троцкистского центра в Армении, который установил связь с Зиновьевым и Каменевым. На мой вопрос, кто тебя допрашивал, он ответил: Маленков. Маленков вызывал меня в кабинет министра, там сидел и мой следователь. Маленков лично меня допрашивал и говорил, что я должен признаться, что я был руководителем контрреволюцион-

ного троцкистского центра в Армении и установил связь с Зиновьевым и Каменевым. На мой вопрос, чем кончился этот допрос, Силанян ответил: Маленков начал избивать меня пресс-папье прямо в затылок. Я потерял сознание, упал. Когда я очнулся, я лежал в воде, на полу, между моими пальцами была ручка. Я не знаю, подписал ли я протокол или нет.

В 1937 году 17 июля начался судебный процесс. Силаняна взяли первым и сейчас его нет в живых. Меня взяли на третий день, 19 числа.

Я считаю, что этот разгром, который начался в Армении именно после приезда Маленкова, это был такой разгром, которого никогда не знала история и, мне кажется, Маленков обязан отвечать за разгром партийного актива Армении в 1937 году.

Более того, я решением суда в 1941 году был оправдан и меня освободили из Орловской тюрьмы. Я вернулся опять в Армению. В 1947 году приехала комиссия ЦК КПСС для обследования работы парт-организации Армении. Комиссия называлась комиссия Кузнецова. Почему? Не знаю. Комиссия в Армении сидела 3 месяца. Обследовала партийную работу, советскую работу и руководство. Комиссия вернулась в Москву с отрицательным мнением насчет руководства Армении, которое как раз Маленков посадил после ареста Амадуни. Комиссия, насколько мне известно, пришла к заключению, что руководство в Армении не справится с задачей, поставленной перед ним. Как вы знаете, в конце войны в Армению вернулось 100 тысяч армян из-за границы. Руководство создало такое положение, что некоторые из приезжих убежали в Турцию. Турецкое правительство использовало этих перебежчиков против советской власти. Все эти факты были зафиксированы в протоколе комиссии. Комиссия представила доклад в ЦК ВКП(б), когда секретарем ЦК был т.Жданов. Жданов 5 раз созывал оргбюро ЦК для того, чтобы обсудить этот доклад и принять решение. Каждый раз доклад откладывали и проваливали. Дело кончилось тем, что Берия сам пошел к Сталину и внутренним порядком приняли решение - снять 17 секретарей районных комитетов и, кажется, второго секретаря ЦК Армении, а основное руководство осталось.

Тогда Маленков был одним из секретарей ЦК и он тоже отвечает за это. Когда это решение обсудили на пленуме ЦК Армении и об итогах пленума докладывали на собрании нашей партийной организации, университетская партийная организация выступила против ЦК и считала, что ЦК Армении дал неправильную информацию в ЦК ВКП(б), и

решение ЦК не выполняется у нас. Мы приняли резолюцию против руководства ЦК, но они добились того, что отменили решение нашей партийной организации, заставили партийную организацию принять новое решение, а против наиболее активных членов партии приняли репрессивные меры. Решением ЦК КП Армении из университета и других вузов сняли 35 докторов, профессоров, кандидатов и доцентов. Распространили слух, что якобы в Армении существует подпольная контрреволюционная, националистическая организация и этой организацией руководят якобы эти товарищи, в том числе был и я. Меня сняли с работы и я вынужден был приехать сюда, получить новое назначение для работы в Литве. Секретари ЦК КП Армении начали против меня создавать новое дело, снова обвинять меня в контрреволюции. По моей просьбе ЦК КП Литвы и Отдел науки ЦК КПСС занимались этим делом. Я давал им все материалы. Тов.Рыбников, который тогда работал инструктором в Отделе науки, говорил, что о моем деле все лично докладывал тов.Маленкову. Стало быть, Маленков знал о безобразиях, которые творились в Армении, и не принимал соответствующие меры.

Я считаю, что тов.Маленкову придется отвечать за все, что было в Армении в 1937 году и после 1937 года.

ШВЕРНИК. Слово предоставляется тов.Петрову.

ПЕТРОВ. Я работал в Армении в 1937 году начальником отдела пограничной охраны НКВД Армении и мне пришлось выполнять там конкретные поручения Маленкова.

14 сентября утром я с квартиры был вызван в специальный вагон, в котором прибыл Маленков в Ереван. По телефону меня предупредили, чтобы я никому не докладывал о вызове, даже своему начальнику, а начальником у меня был народный комиссар внутренних дел Мугдуси.

Я выехал туда. У вагона меня встретил работник НКВД, который проводил меня в салон. Там была бригада НКВД СССР, Маленкова там не было. Мне задавали вопросы, на которые я не мог сразу отвечать. Я давал уклончивые ответы. Вскоре выходит из купе, примыкающего к салону, Маленков и, обращая ко мне, сказал: не стесняйтесь, т.Петров. Вынул из портмоне письмо и предложил ознакомиться с ним. Это было письмо, подписанное И.В.Сталиным. Концовка письма была такова, что в качестве первой меры принято решение арестовать наркома внутренних дел Мугдуси и председателя Совнаркома Армении Гуляна и что для помощи парторганизации Армении командировается пред-

ставитель ЦК ВКП(б) т.Маленков. Маленков заявил, что мне поручается их арестовать. Я служил на границе и арестовывать свое начальство мне не приходилось. Я пришел в замешательство и растерялся. Маленков стал инструктировать, как осуществить арест. Он стал меня спрашивать, где находится кабинет Мугдуси, сколько он комнат занимает, где служебный кабинет Гулояна и особняк. Но я не знал, где находятся служебные комнаты и особняк Гулояна, так как я там не был. Передо мной Маленков поставил конкретную задачу: выехать в наркомат, арестовать наркома Мугдуси, после чего прибыть в вагон, доложить о выполнении, а потом они поедут в ЦК, чтобы арестовать Гулояна.

ШВЕРНИК. Кто они?

ПЕТРОВ. Маленков и Литвин.

Я поехал в здание НКВД, арестовал Мугдуси, изолировав его в отдельной комнате. Для ареста Мугдуси и его охраны были привлечены офицеры-пограничники. При аресте Мугдуси спросил меня в чем дело? Я ответил, что ему скоро об"яснят это. После ареста Мугдуси я поехал к Маленкову в вагон и доложил об аресте Мугдуси. Маленков, Литвин и я выехали в ЦК Армении, и я провел их в кабинет секретаря ЦК КП(б)Армении Амадуни. Вскоре появился в ЦК председатель Совнаркома Гулоян, которого я по указанию Маленкова и Литвина увез на машине в НКВД и сдал под охрану пограничников.

Вскоре в НКВД приехали Маленков, Литвин и дали мне указание арестовать Геворкова - заместителя наркома, который якобы выбросил Тер-Габриэляна в окно. Его не оказалось на месте. Он был в Ленинкане. Маленков сказал, что если он убежит в Турцию, то с меня голова долой. Это распоряжение мною было выполнено при помощи пограничников. Геворков был арестован и доставлен под усиленным конвоем в наркомат. В тот же день в кабинете наркома Маленков предложил мне усилить охрану границы, чтобы никто из лиц, подлежащих аресту, не убежал в Турцию и не улетел самолетом. Я организовал выполнение и этого указания. Тут же Маленковым и Литвиным было принято решение об аресте начальника милиции Дулгарова, который также был арестован мною. Какая была мотивировка ареста Дулгарова - не помню, так как была суматоха и трудно сейчас восстановить в памяти. Дулгаров здесь присутствует.

Впоследствии по распоряжению Маленкова был арестован секретарь ЦК партии Амадуни. Амадуни был арестован после того, как пленум Центрального Комитета Армении принял решение об исключении его из партии. Я присутствовал на пленуме, как член пленума, сидел в первом ряду. Пленум охранялся пограничниками.

После голосования меня кто-то пригласил из президиума - Маленков или Литвин, или кто-то другой из руководящих работников. Я зашел в комнату для руководства президиума. В этой комнате находились Маленков, Литвин, Амадуни. Я получил указание увезти Амадуни в НКВД, и я отвез. Вскоре в НКВД приехал Литвин и приступил к его допросу. Я на допросе Амадуни не был. Вот такие конкретные поручения Маленкова я выполнял по арестам.

В части допросов. Я был свидетелем того, что Маленков принимал личное участие в допросах. В тот же день, т.е. 14 сентября допрашивался в кабинете наркома бывший нарком Мугдуси. Я его привел на допрос, так как пограничники не могли без моего личного указания никому его отдать. Вопросы Мугдуси были такие: расскажите, как вы организовали выброску из окна Тер-Габриэляна? Расскажите, как вы как нарком по заданию антисоветской организации организовали укрытие от арестов дашнаков и руководящих работников антисоветского центра? Он сначала отказывался, ему сказали: вы напрасно отказываетесь, вы как нарком знаете, какие есть меры, чтобы заставить говорить, вы же сами их применяли. Он опять стал отрицать. После этого его начали избивать. Кто его бил? Кто присутствовал на допросе? Допрашивали и били: Маленков, Литвин, Гейман и Альтман - работники бригады НКВД СССР, которые прибыли вместе с Маленковым в одном вагоне. Кто больше всего наносил ударов - Маленков, Литвин или другие, кто особо отличался в этом - мне трудно вспомнить. Когда Мугдуси сказал, что он согласен написать заявление на имя Ежова о раскаянии, его прекратили бить, перевели в другую комнату, чтобы он написал заявление.

После Мугдуси Маленков, Литвин и Альтман приступили к допросу Гулояна - председателя Совнаркома. Тому пред"являлось обвинение, что он организовал вредительскую работу в народном хозяйстве по заданию националистической антисоветской организации, которая существует в Армении. Он отрицал это. Его также стали бить, но с ним они возились больше, чем с Мугдуси, видимо, потому, что он был более крепкого телосложения, чем Мугдуси. Когда Гулоян заявил, что он согласен написать заявление Ежову о своих преступных действиях, его перестали бить и увели в другую комнату.

Третий допрос, на котором я присутствовал, это допрос Геворкова, Маленков, Берия и Литвин допрашивали Геворкова, который якобы выбросил из окна Тер-Габриэляна. Вечером, я не помню какого числа, меня вызвали в кабинет Геворкова. Там находились Маленков, Берия и Литвин, и поручили вызвать Геворкова. Когда я вошел, все они стояли и ходили по кабинету и разговаривали между собой, и осматривали окно, в которое якобы был выброшен Тер-Габриэлян. Когда ввели Геворкова, и он, увидев присутствующих, упал на колени, стал плакать и говорить, чтобы его простили, что он не виноват. Ему сказали, что ты слюни разводишь, рассказывай, как ты выбросил из окна Тер-Габриэляна. Допрос не дал никаких результатов. Он продолжал плакать и говорить, что Тер-Габриэлян выбросился в окно сам. Вот все в части допросов, свидетелем которых я невольно был.

АЛФЕРОВ. Все-таки Маленков участвовал в избияниях или только присутствовал?

ПЕТРОВ. Да, Маленков принимал непосредственное участие. Кто из них бил больше или меньше, или кто только угрожал кулаками, я не могу восстановить точно в своей памяти.

МАЛЕНКОВ. Но я физически не бил.

ПЕТРОВ. Нет, я помню, что вы лично принимали участие в этом избиянии.

МАЛЕНКОВ. Я в таком положении нахожусь, что вы это можете сказать, но я могу сказать, что не бил.

ПЕТРОВ. Я знаю, где даю показания - в Комитете Партийного Контроля, отвечаю за свои слова, ничего не выдумываю, да и нет никакого смысла выдумывать. Я не могу, например, подтвердить, что, как тут говорилось, якобы вами был избит арестованный Гайк Силонян. Я не был свидетелем такого факта, но то, что я видел и то, что удалось восстановить в памяти, я об этом говорю. Я бы посоветовал вам, Маленков, не отрицать, как говоря, с порога, а лучше вспомнить как было дело.

ШВЕРНИК. Какой смысл отрицать!

ПЕТРОВ. Я присутствовал на пленуме Центрального Комитета партии Армении. Основной доклад на пленуме ЦК Армении был по вопросу о недостатках работы парторганизации Армении и вскрытии националистиче-

ской организации. Доклад делал Маленков. Надо сказать, что в этом докладе Маленков очень умело, ловко использовал факт выброски Тер-Габриэляна (или сам он выбросился, я точно не знаю). Что Тер-Габриэлян умер - это бесспорный факт. Маленков об"яснял, что это сделано для того, чтобы скрыть арест настоящих руководителей антисоветского центра и подполья. Пленум проходил очень активно и бурно.

МАЛЕНКОВ. Я читал письмо.

ПЕТРОВ. Да, вы помните, что когда вы, Берия, и Литвин допрашивали Геворкова, вы говорили, что когда вы были у Сталина, то товарищ Сталин сказал, что Тер-Габриэлян по своей натуре не мог выброситься из окна и что он дает руку на отсечение, что Тер-Габриэлян был выброшен.

МАЛЕНКОВ. Правильно, об этом написано в письме.

ПЕТРОВ. Маленков в своем докладе на пленуме очень искусно создал искусственную обстановку психоза и паники насчет врагов народа и дашнакомании.

МАЛЕНКОВ. Вы на всех заседаниях пленума были?

ПЕТРОВ. Да, на всех.

Маленков, будучи облеченным высоким доверием, как представитель Центрального Комитета партии, вместо того, чтобы об"ективно, по-партийному разобраться в порученном ему деле (я не знаю по каким мотивам, возможно, в целях карьеры, стараясь отличиться на репрессиях), вероломно нарушил оказанное ему доверие, встал на путь истребления партийного и советского актива Армении.

Установки Маленкова передались в партийные организации и посыпались буквально ворохами клеветнические заявления на членов партии и беспартийных. Откуда мне это известно? Я исполнял обязанности наркома, мне ежедневно докладывали пачки писем. Я по-армянски не понимал, секретарь переводил и докладывал мне. В письмах говорилось о связях с дашнаками, кто как здоровался с бывшими дашнаками и много заявлений поступало в Центральный Комитет Армении.

Мне пришлось делать доклад о решении январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии в Степанаванском районе Армении. Когда я выезжал в парторганизацию района, я был информирован в ЦК Армении, что

на 60-70% состава парторганизации Армении были поданы клеветнические заявления, что они связаны с врагами народа или имеют сочувствие дашнакам.

ШВЕРНИК. Действительно ли был такой факт, что на пленуме ЦК Компартии рассаживали чекистов, которые наблюдали за членами пленума?

ПЕТРОВ. Я не припоминаю, может быть, я это и делал.

ШВЕРНИК. Я не говорю, что вы это делали.

ПЕТРОВ. Я не помню, но пленум охранялся пограничниками.

КОМАРОВ. Вооруженными?

ПЕТРОВ. Да, вооруженными пистолетами.

АЛФЕРОВ. Пограничники беспартийные?

ПЕТРОВ. Нет, члены партии. Я не скрою того, что в этот период времени, находясь в состоянии угара искусственно созданной Маленковым обстановки насчет врагов народа, психоза, выполняя его задания, я считал, что чем-то помогаю партии. Однако, к сожалению, помимо моей воли и желания получилось наоборот. У меня не возникало в то время сомнений, к тому же хотя я и выполнял непродолжительное время обязанности наркома, но я не руководил следственной работой и никого не допрашивал.

КОМАРОВ. Маленков говорит, что не руководил следствием.

ПЕТРОВ. Я утверждаю, что Литвин докладывал протоколы допроса арестованных Маленкову и ездил к нему с протоколами в вагон.

МАЛЕНКОВ. Безусловно, докладывал.

ПЕТРОВ. Литвин в моем присутствии торопил следственных работников бригады НКВД СССР с оформлением материалов и говорил, что ему нужно докладывать их Маленкову. Это говорит о том, что он, Маленков, руководил бригадой НКВД СССР и бригада ему подчинялась, как представителю Центрального Комитета партии. Я лично следственной работой не руководил, я не знал показаний арестованных. Я не был в курсе того плана и замысла, который был у Маленкова и Литвина по раскрытию контрреволюционной националистической организации в Армении. Никаких отчетных документов по следствию в НКВД СССР в Москву и ЦК Армении не представлял, потому что это осуществлял Литвин - руководитель бригады НКВД СССР. Я находился в его подчинении и выполнял его ука-

зания по арестам. Я самостоятельно никаких решений на арест не принимал.

МАЛЕНКОВ. Правильно.

ГАБРИЭЛЯН. Могу сказать, что меня арестовали без разрешения прокурора.

ПЕТРОВ. Тяжело сказать, сознавать и переживать теперь, но я думал в то время, что я помогаю партии, а получилось наоборот. Помощь, которую я вам оказывал, товарищ Маленков, вы ее использовали нехорошо. Я должен прямо сказать, что я проклиная вас за то, что вы так бесчестно и подло использовали мою помощь и пограничников во вред партии и народа.

Нет никакого сомнения в том, что Маленков за эти преступные действия должен получить от партии самую суровую кару.

ШВЕРНИК. Предоставляется слово тов. Ананяну.

АНАНЯН. До 1937 года я был одним из руководящих работников Армении и Закавказья. Был я пред. ЦК Армении и Закавказья. 14 сентября 1937 года утром я шел в свой комиссариат, у меня было дело в ЦК, и я зашел прежде в ЦК, потом в городской к-т. Поскольку я 10 лет был членом бюро ЦК Армении, то у меня никогда не спрашивали пропуска, так как меня в ЦК все охранники знали. Когда я подошел к зданию ЦК, то я увидел там у дверей незнакомых охранников, которые потребовали у меня пропуск. Охранники были русские. Меня удивило, что охранниками были русские, так как охрана ЦК всегда были армяне. Я показал свой членский билет. Это было 11 часов утра. В здании ЦК было такое подозрительное затишье, что у меня возникла мысль, не случился ли какой-либо переворот в стране. Прежде чем подняться на верхний этаж, я решил зайти в Ереванский комитет партии. Там сидел секретарь горкома. Я спрашиваю его, что это такое? Он говорит, что приехал Маленков со своей бригадой. При приезде утром посадил Гулояна - председателя Совнаркома, наркома внутренних дел Мугдуси, снял охрану в ЦК и поставил свою охрану, которую он привез вместе с собой из Москвы.

В 11 часов был назначен пленум ЦК. Почему приехал Маленков, почему арестовали Абрама Гулояна и Мугдуси, почему сняли охрану ЦК и почему назначили пленум ЦК, мы ничего не знали, хотя были оба членами ЦК.

В 11 часов пришли в помещение ЦК, в зал пленума и ожидаем открытия пленума. Мы очень быстро обнаружили, что рядом с членами пленума ЦК сидят совершенно незнакомые люди в штатской форме, с пистолетами в кармане. Моментаьно мы догадались, что это люди, приехавшие с Маленковым. Но почему такая таинственность, почему нас окружают такими людьми?

ШВЕРНИК. Вот метод.

АНАНЯН. Я был наркомом коммунального хозяйства, меня Берия снял с должности председателя ЦИКа Армении и Закавказья.

Пленум открыл Амадуни. Амадуни сидел рядом с Маленковым. Амадуни говорит, что сообщение на пленуме сделает т.Маленков. Маленков рассказывает, что в Москве был арестован Тер-Габриэлян. Несколько месяцев тому назад, в Москве были Амадуни и Мугдуси, они просили Тер-Габриэляна отправить в Ереван, чтобы там вести его следствие как бывш.работника Армении. Когда его привезли сюда, то его выбросили в окно. Затем Маленков читает письмо Сталина, что в Армении в разных отраслях народного хозяйства имеется ряд безобразий и т.д. Говоря о Тер-Габриэляне, он пишет, что зная натуру Тер-Габриэляна, он не верит, чтобы он выбросился из окна, его выбросили с тем, чтобы закрыть ему рот, чтобы он не выдал армянских националистов.

В связи с этим ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР отправляют комиссию во главе с Маленковым, Литвиным, со своей бригадой для разоблачения всех контрреволюционных элементов. Читая письмо Сталина, Маленков крикнул "подписал Сталин" и с трибуны пленуму показал подпись Сталина. Сидя на пленуме, я думал, какое колоссальное значение имеет для Маленкова подпись Сталина.

Маленков продолжает: "После того как мы приехали к вам в Армению, мы арестовали Гулояна - председателя Совнаркома и через час у него взяли следующие показания. Гулоян пишет наркому внутренних дел СССР Ежову следующее заявление: "я состою членом Закавказского контрреволюционного правотроцкистского повстанческого центра. Цель нашей организации состояла в том, чтобы путем вооруженного восстания произвести отторжение Закавказья от Советского Союза и установить буржуазные порядки в Закавказье. Более подробные об"яснения я дам во время следствия".

Маленков говорил: такие махровые контрреволюционеры как А.Гулоян и Мугдуси под вашим носом сидели и занимались контрреволюцией, вы их не разоблачали, надо было нам приехать из Москвы арестовать их

и через час после ареста взять такое показание, которое я вам прочел. А сколько сотен таких врагов как Гулоян имеются в рядах Компартии Армении, которых вы до сих пор не разоблачали.

Абрама Гулояна я знаю, он активный участник Октябрьской революции, старый большевик и кто мог поверить, что Абрам Гулоян через час после его ареста дал такие страшные показания о себе.

На пленуме рядом со мной сидел прокурор МВД Армении Нарибай Хачатрян, он и сейчас жив. Я спрашиваю у прокурора: ты старый чекист, ты старый мой товарищ, скажи мне пожалуйста, как же мог Абрам Гулоян написать такие ужасные вещи? А он мне говорит, а как же он мог не написать, ведь его столько били, что его едва живым на носилках спустили в камеру искалеченным. Я ужаснулся тогда, я впервые узнал, что у нас в органах избивают. И понял, почему в течение часа Гулоян дал такие показания. Объявили перерыв пленума на 10 дней. Маленков работал не в здании ЦК, а в здании НКВД Армении. Все органы в столице были парализованы: ЦК, Совнарком, НКВД. Хозяиничал Маленков со своей бригадой. Каждую ночь пачками арестовывали ответственных работников, без прокурора и ЦК партии, и заполняли подвалы МВД Армении.

Маленков не довольствовался Арменией, он телеграфно из Баку вызвал второго секретаря ЦК Азербайджана Атанеса Акопова в Ереван, по приезде его арестовали, подвергли ужасным пыткам, потом был расстрелян, а теперь реабилитирован.

Дальше Маленков вызывает в Ереван первого секретаря Абхазского обкома Агрба, его таким же путем, как с Акоповым, избивают, искалечивают и расстреливают. Агрба вообще недолюбливал Берия, есть подозрения, что по заданию Берия Маленков арестовал Агрба, это я говорю потому, что Абхазия — это Грузия, Агрба работник ЦК Грузии, почему надо было его вызвать в Ереван и там учинить с ним расправу. Маленков вызвал первого секретаря Нахичеванского обкома партии Велибекова в Ереван и арестовал, был подвергнут тяжелым пыткам, пока с него не взяли ложных показаний.

Работники НКВД Армении мне рассказывали, что раньше избиение не носило массового характера. Когда приехала бригада Маленкова, то она научила работников НКВД Армении избиениям и это стало как система во время допросов.

Были даже такие случаи, когда арестованных уговаривали дать показания и говорили: ничего, что суд вас накажет, но вы в руках

НКВД. Со мной сидел один из молодых работников в Ереванской тюрьме и говорил о том, что его уговаривали 7 человек, что все обвинения, которые мы от вас потребуем, вы это все подтвердите и суд должен приговорить вас к расстрелу, но вас не расстреляют. Как могли их убедить, я поражаюсь. Люди были загипнотизированы, и я не удивляюсь, как они пошли на такие преступления.

После выезда Маленкова (у меня список есть) были арестованы все лучшие кадры нашей партии, была обезглавлена наша коммунистическая партия Армении. И такой разгул продолжался длительное время.

ШВЕРНИК. Просит слово тов.Дулгаров.

ДУЛГАРОВ (бывший начальник милиции).

14 сентября 1937г. в г.Ереван секретно прибыла Московская комиссия во главе с Маленковым. В тот же день при несении служебных обязанностей я был арестован у себя в кабинете Московской комиссией, возглавляемой т.Маленковым. В 1 час дня ко мне позвонил по телефону т.Петров и просил автомашину для поездки в ЦК. Буквально через 5 минут после звонка явились в кабинет тт.Маленков, Литвин, Яхонтов, Арсенович и Петров. Я их не знал, за исключением т.Петрова. Заявив кем они являются и об"явив о моем аресте, тут же отобрали у меня партбилет и обезоружили.

После ареста меня подняли на третий этаж, где находилась комната отдыха, которая находилась рядом с кабинетом наркома внутренних дел Мугдуси. В этой комнате т.Маленков спросил меня фамилию милиционера, который находился на посту во время падения Тер-Габриеляна С.М., после чего т.Маленков вошел в кабинет наркома Мугдуси. Спустя 20 минут я услышал голос и крик Мугдуси: "Зачем меня бьете и терзаете, я не враг и не контрреволюционер". Со мной в комнате находились конвоиры, комсостав погр.отряда и заметив, что я насторожился и реагирую на эти крики, меня перевели в другую комнату.

При избииении Мугдуси т.Маленков присутствовал.

15 сентября я был вызван на допрос к следователю Московской комиссии Яхонтову и предложил рассказать мне о моей контрреволюционной деятельности. Я категорически отказался. На мой отказ Яхонтов принимал репрессию - избивал в течение 5 часов. В три часа ночи на мои крики в комнату зашел Арсенович и спросил, признался я или нет. Узнав, что я не признался, заявил: мы дали телеграмму в Москву о том, что мы раскрыли филиал контрреволюции, а он отказывается.

Арсенович пред"явил мне показание Мугдуси, где якобы должна была быть и моя фамилия, но прочитав, я выяснил, что моей фамилии в показаниях Мугдуси не было, о чем и заявил им. После этого Арсенович вышел и явился через 5 минут, заявив, что т.Маленков и Литвин приказали увести меня в камеру.

Спустя 20 дней, в мою камеру привели председателя Совнаркома т.Гулояна, который был неузнаваемый. Гулоян рассказывал мне, что в первый же день своего ареста был избит до полусмерти и что во время избиения присутствовал т.Маленков. Гулоян рассказывал мне, что, будучи избит до потери сознания, он вынужден был дать показание о том, что состоял якобы членом контрреволюционной организации и подписал не зная, что было в протоколе.

В октябре в мою камеру привели зам.начальника горотдела НКВД Бабаяна, который подробно рассказал, что творится на воле. Бабаян передал, что по приезде т.Маленкова в аппарате НКВД началось страшное беззаконие.

БОЙЦОВ. Возникает вопрос - дела, которые творились в Белоруссии и Армении, какие цели ставились в этой провокации, в результате которой были избиты все национальные кадры.

МАЛЕНКОВ. Я сейчас вижу, какие извращения были. Извращения наносили глубочайший вред.

БОЙЦОВ. Нет, это не извращения.

МАЛЕНКОВ. Как хотите называйте. Я верил тогда, что есть шпионский центр и что Тер-Габриэляна выбросили в окно. Я верил в это. Я за это готов и должен понести ответственность. Меня Сталин вызвал и сказал, что он дает руку на отсечение, что Тер-Габриэлян не выбросился сам в окно.

ШВЕРНИК. В ходе следствия вы видели, что это провокация.

МАЛЕНКОВ. Я и сейчас вижу. Литвин потом оказался врагом и Ежов оказался, но все же он надо мною был. Я говорю, что я потрясен всем тем, что происходит. Я в другом положении нахожусь. Я в 1937г. и в начале 1938г. находился в аппарате ЦК на работе, не будучи членом ЦК.

ШВЕРНИК. Вы находились тогда у истоков ужасной провокации, а теперь не хотите подробно рассказать об этом.

МАЛЕНКОВ. Я верил тогда.

ШВЕРНИК. Вы и тогда понимали, что искусственно создаете дело о контрреволюционной организации. Вы же вели сами следствие?

МАЛЕНКОВ. Мое положение такое, но сказать, что я это делал во вредительских целях я не могу.

ШВЕРНИК. У вас были какие-то концепции.

МАЛЕНКОВ. Было сказано, как поехать, кого арестовывать, как поступить. Здесь говорили о том, что обратились к пограничникам, закрыли границу. Было приказано закрыть границу, привлечь пограничников, ни на кого опираться нельзя. В какой-то мере я хочу об"яснить это дело. Тогда у меня не было никакого другого выхода. Признать то, что я виноват, я признаю.

ШВЕРНИК. Дело не в том, что привлекли пограничников, а речь идет об избииении партийных кадров.

БОЙЦОВ. А какие цели были?

ШВЕРНИК. Здесь выступали товарищи и говорили о том, как вы избивали кадры. Нас интересует, во имя чего все это вы делали?

КОМАРОВ. Он тогда работал заведующим ОРПО.

МАЛЕНКОВ. Сейчас, когда я прослушал все это, оглядываясь на это дело, я представляю себе, какая это страшная, кошмарная история. Я не могу сказать, что это я делал в каких-то вражеских целях.

БОЙЦОВ. Вы человек неглупый, многих вы нас учили, как нужно работать. Вы имели возможность разобраться, но вы не хотели разобраться, потому что боялись, что Сталину это может не понравиться. Сталин высказал какую-то мысль и это нужно подтвердить фактами. Сталин сказал, что он не верит, чтобы Тер-Габриэлян выбросился в окно. А в результате получилось, что вы приехали из Белоруссии, ложно и провокационно проинформировали об обстановке в Белоруссии. Вы повторили те же методы и доложили Сталину и создали ложную обстановку в Армении. Вы накачивали обстановку, а потом пошло черт знает что. Десятки и сотни тысяч лучших коммунистов нашей партии погибли "как враги народа". Люди шли под расстрел и говорили: я не боюсь смерти, но я боюсь клички, которую приклеили мне, как врагу народа. Вы говорите, что вы не враг, но, об"ективно говоря, это вражеская работа.

КОМАРОВ. Нужно, чтобы он подумал и сказал, он ничего не говорит.

ШВЕРНИК. Вы ни одним ловом не обмолвились, что то, что вы творили в Белоруссии и в Армении является антипартийным делом. Это же факт. Сейчас вы хотите скрыться за какие-то об"ективные причины.

МАЛЕНКОВ. Я хочу об"яснить для себя, каким образом дошел до этого дела. Разве я не осуждаю, что произошло?

ШВЕРНИК. Вы не об"ясняете, почему все это произошло?

КОМАРОВ. Зачем бил председателя Совнаркома?

МАЛЕНКОВ. Опять скажут, что я ссылаюсь на общее. Об избииении была директива, что надо избивать.

ШВЕРНИК. Неверно.

МАЛЕНКОВ. Это же написано.

ШВЕРНИК. Тогда чекисты жаловались на Политбюро.

МАЛЕНКОВ. Но я не бил.

ШВЕРНИК. Сталин сказал, что надо врагов избивать.

МАЛЕНКОВ. Директива написана.

ШВЕРНИК. Я был на заседании Политбюро, когда обсуждали этот вопрос, там говорилось, что чекисты не совсем правильно подходят. И тогда Сталин говорит, что врагов надо истреблять.

МАЛЕНКОВ. Это позднее.

ШВЕРНИК. Мы сейчас видим, что избивали не врагов, а людей, которые были преданными коммунистами. Вот о чем речь идет и это надо признать.

МАЛЕНКОВ. Я и признаю, я, безусловно, признаю. Давайте накажите как угодно.

ШВЕРНИК. Вы должно признать свою ответственность за избииение кадров по этим двум республикам, а не отказываться, не прятаться за какие-то особые условия.

МАЛЕНКОВ. Больше некому отвечать, я один. Яковлева сейчас нет. Ведь обо мне только речь идет, больше ни о ком речь не может идти. Я сейчас полностью в вашем распоряжении.

ШВЕРНИК. Мы хотели найти у вас искру признания ошибок в деле избиения кадров.

МАЛЕНКОВ. Я признаю. Я вижу, что получилось.

КОМАРОВ. Вы знали, что Берия и Багиров были исключены из партии еще в 1921г.?

МАЛЕНКОВ. Я об этом узнал на пленуме.

КОМАРОВ. А вы на них опирались.

МАЛЕНКОВ. Я не знал тогда Берия.

БОЙЦОВ. Вы его знали.

АЛФЕРОВ. Отсюда началась в 1936г. ханджяновщина, когда Берия дал телеграмму.

ШАТУНОВСКАЯ. Вашей поездкой в Армению вы постарались целиком подтвердить в угоду Берия, что ханджяновщина существовала, что актив Армении изменил принципам нашей партии, перешел на позицию национализма, вплоть до того, чтобы отторгнуть Армению от Советского Союза; вы все то, что провокационно приписал Берия убитому им Ханджяну распространили на все руководство Армении и этим оказали неоценимую услугу Берия в его злодеяниях. На этой основе сложилась ваша дальнейшая дружба с Берия.

МАЛЕНКОВ. Я все, Николай Михайлович, признаю, всю глубину признаю. Я в порядке защиты хочу сказать.

БОЙЦОВ. Непонятно, чем вы руководствовались в деле избиения партийных и советских кадров. Не укладывается в понимании, как это вы, коммунист, ответственный работник, едете и организуете эту провокацию.

ШВЕРНИК. Сегодня на этом закончим, а потом перейдем к следующему вопросу.

МАЛЕНКОВ. А еще что?

ШВЕРНИК. У нас имеется к вам еще целый ряд вопросов.